В. М. СКВОРЦОВЪ.

801-17
1494

ДУХОБОРЫ ВЪ АМЕРИКѢ
И
ТОЛСТОВЦЫ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-22706
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

Изданіе В. М. Скворцова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Колоколъ», Невскій, 127.
1912.

Духоборы въ Америкѣ и толстовцы.

I.

Какъ извѣстно, назадъ тому 13 лѣтъ изъ Закавказья выселилось въ Америку 8 тысячъ духоборовъ, такъ называемой, «постнической партіи».

Поселились духоборы эмигранты въ Канадѣ, въ провинціи Ассинибойя, въ безлюдной и безводной мѣстности, въ 40—60 верстахъ отъ города Іорктона, образовавъ 34 деревни, за которыми сектанты сохранили прежнія традиціонныя духоборческія названія—Тамбовка, Спасовка, Воскресенка, и, конечно, пресловутое Терпѣніе, милое сердцу духоборовъ по воспоминаніямъ о сытой, привольной жизни ихъ предковъ на Молочныхъ водахъ въ Тавридѣ, а равно и о славномъ «духоборческомъ сіонѣ», сиротскомъ домѣ,—служившемъ резиденціей обоготворяемыхъ ими управителей Калмыковыхъ, гдѣ скрыты были и застѣнки для жестокихъ пытокъ и прелести магометова рая—съ духоборческими гуріями включительно [1]).

[1]) При переселеніи духоборовъ изъ Тавриды въ Закавказье, сектантамъ было воспрещено вновь называть традиціоннымъ именемъ «Терпѣніе» какой-либо изъ своихъ поселковъ и такого села, дѣйствительно, не существовало впредь до разселенія духоборовъ въ Карсской области. Пользуясь всякими поблажками со стороны мѣстной власти, забывшей уроки исторіи таврической многомятежной жизни духоборовъ,—упорные сектанты всетаки назвали одно изъ новыхъ Карсскихъ поселеній «Терпѣніемъ». Послѣднее сдѣлалось во время

По поводу духоборческой эмиграціи интеллигентными друзьями сектантовъ въ заграничной печати и въ русскомъ обществѣ распространены вздорныя ложныя свѣдѣнія, будто бы духоборовъ изгнало русское правительство за религіозныя убѣжденія. Мы рѣшительно заявляемъ, что духоборы ринулись на этотъ погибельный для нихъ, какъ увидимъ мы ниже, путь, по совѣту все тѣхъ же друзей и по собственному произволенію—совершенно добровольно, не желая подчиняться требованіямъ государственныхъ законовъ и властей, отказываясь и на словахъ, и на дѣлѣ отъ исполненія долга вѣрноподданныхъ Государя и гражданъ Россійской имперіи: такъ, духоборы-постники демонстративно и долгое время уклонялись отъ несенія воинской повинности, отказывались отъ полицейской и всякой другой службы, отъ уплаты податей. Они открыто заявляли о непризнаніи никакой власти въ государствѣ, начиная съ Его Величества, и о нежеланіи подчиняться какимъ бы то ни было распоряженіямъ мѣстныхъ властей. Часть духоборовъ, проживавшихъ въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ, Тифлисской губерніи, въ своей задорной игрѣ въ анархію зарвалась до массоваго активнаго сопротивленія личнымъ распоряженіямъ мѣстнаго губернатора (кн. Ширвашидзе), причемъ, во время бунтарской выходки, ополченцы бросали въ лицо и спину губернатора призывные билеты и публично оскорбляли бранными словами священную особу Государя Императора.

Послѣ такого возмутительнаго поступка духоборческой толпы, вызвавшаго вмѣшательство военной силы, губернаторъ, весьма расположенный вообще къ духоборческому населенію,—въ теченіе двухъ недѣль лично велъ перего-

---

духоборческихъ волненій изъ-за Веригина, а также въ періодъ толстовско-анархическаго броженія, главнымъ очагомъ пропаганды. Здѣсь устроенъ былъ духоборами «Новый Сіонъ» - огромнѣйшее подворье, стоившее до 16 т. при даровой работѣ; оно предназначалось для Петруши Веригина, въ качествѣ его резиденціи. Большинство жителей Карсскаго «Терпѣнья» эмигрировали въ Америку; село же это нынѣ, по распоряженію главноначальствующаго, переименовано въ Благодатное.

воры съ духоборами, отечески увѣщавая бунтарей прекратить свое преступное анархическое поведеніе и лишь только тогда не желавшихъ покоряться законнымъ требованіямъ начальства рѣшено было изолировать отъ остального духоборческаго населенія, чтобы тѣмъ сохранить его спокойнымъ и легальнымъ.

И вотъ лѣтомъ 1895 г. около 4 тыс. духоборовъ мятежной партіи было разселено по туземнымъ селеніямъ Горійскаго, Душетскаго и Тіонетскаго уѣздовъ, Тифлисск. губ. Здѣсь разселенные духоборы прожили болѣе 2 лѣтъ.

Сектанты скоро же освоились съ своимъ новымъ положеніемъ: они сплотились въ большія группы, на арендованныхъ у мѣстныхъ помѣщиковъ земляхъ, наняли квартиры или же построили свои довольно удобныя полуземлянки, завели чисто коммунистическій образъ жизни, составивъ общую кассу, завѣдываніе которой поручено было особымъ попечителямъ. Послѣдніе все необходимое для содержанія разселенной массы закупали оптомъ, кромѣ того карсскіе единовѣрцы цѣлыми вагонами доставляли имъ въ Тифлисъ всѣ жизненные продукты, откуда на возахъ духоборы доставляли провіантъ по группамъ. Кромѣ того, изъ Россіи (отъ толстовцевъ) и заграницы (отъ квакеровъ) шли значительныя денежныя пожертвованія. Разселенные еще въ 1897 г. весною имѣли нетронутымъ запасной капиталъ въ 50 тыс. Слѣдовательно, о какой-либо гнетущей нуждѣ тогда не могло быть и рѣчи. Между тѣмъ интеллигентные толстовцы всюду кричали и писали о голодѣ и морѣ якобы замученныхъ русскою властью тысячъ духоборовъ, за религіозныя убѣжденія совѣсти.

Мы лично обслѣдовали въ маѣ и іюнѣ 1897 г. поселенія и бытъ разселенныхъ и рѣшительно заявляемъ, что не видѣли ничего похожаго даже на ту нужду и бѣдность, какія ежегодно въ весеннюю пору можно встрѣтить среди большинства деревень православнаго населенія малоземельныхъ центральныхъ губерній. У духоборовъ были тогда на лицо всѣ жизненные припасы: столовыя организованы

были на нѣсколько семей, работы производились также артелями, выручка шла въ кассу; лошади табунами ходили на выпасахъ помѣщиковъ. При этомъ духоборы и неохотно даже ходили на поденныя работы, особенно къ помѣщикамъ, вездѣ поднимали заработную плату сравнительно съ туземцами, которыхъ вооружали противъ владѣльцевъ, доказывая, что лѣсъ и земля Божіи и платить за это владѣльцамъ не слѣдуетъ. Отъ словъ переходили къ дѣлу, выпуская своихъ лошадей безъ разрѣшенія владѣльцевъ на луга, вырубая лѣсъ для топлива. На желѣзнодорожныя работы разселенные духоборы совсѣмъ не хотѣли идти, разсуждая такъ, и что-де «чугунка вещь вредная», такъ какъ она нужна главнымъ образомъ для войны и насилія, а потому-де имъ, духоборамъ, какъ истиннымъ христіанамъ, негоже поддерживать то, что облегчаетъ торжество насилія.

Повинностей, конечно, никто изъ разселенныхъ не платилъ, мѣстное начальство и не требовало этого.

Если духоборы бѣдствовали и болѣли, то отъ непривычнаго для нихъ суроваго постничества (вегетаріанства) и отъ неупотребленія чая. При знойномъ климатѣ Кахетіи употребленіе сырой воды порождало лихорадки. Но кто же въ этомъ виноватъ кромѣ толстовскихъ законодавцевъ? Новымъ Кавказскимъ главноначальствующимъ, княземъ Голицынымъ, весною 1897 г. было объявлено разселеннымъ, чрезъ ихъ депутатовъ, чтобы они возвращались на свои прежнія мѣста, которыя оставались незанятыми, гдѣ дома и усадьбы оставались въ цѣлости. Князь Голицынъ требовалъ лишь не бунтовать и жить, какъ всѣ другіе; при этомъ одно возвращеніе духоборовъ въ свои насиженныя мѣста признавалось уже достаточнымъ ручательствомъ того, что возвращающіеся смирились, и не будутъ, слѣдовательно, повторять своихъ анархическихъ поступковъ.

Намъ извѣстно, что этотъ мудрый призывъ новаго Кавказскаго администратора, на первыхъ порахъ, многихъ изъ духоборовъ поколебалъ и значительная часть изъ разселенныхъ была склонна возвратиться, но вредное вліяніе главарей, распропагандированныхъ и постоянно вдохновляемыхъ интеллигентными толстовцами, удержало массу отъ этого единственно вѣрнаго и спасительнаго въ ихъ тогдашнемъ положеніи шага.

Интеллигентные вдохновители духоборовъ личными наѣздами и посланіями поощряли разселенныхъ духоборовъ постниковъ продолжать свою пассивную «борьбу съ насиліемъ», т. е. съ властью, увѣряя, что русское правительство непремѣнно сдастся и отведетъ духоборамъ гдѣ-нибудь свободныя земли, и что тогда то духоборы, вкупѣ съ ними, друзьями, заживутъ по новому, по своему, на началахъ «истиннаго христіанства», во главѣ съ своимъ обожаемымъ «вожакой» Петрушей. Соблазнители тутъ же добавляли: если не дастъ Россійское правительство вамъ свободной земли, то въ любомъ государствѣ васъ примутъ, какъ желанныхъ поселенцевъ. Изъ туманнаго разглагольствованія толстовцевъ темная масса хорошо понимала одно, что ихъ Петруша будетъ съ ними тамъ, гдѣ-то въ невѣдомомъ краю, а въ этомъ заключалось все обаяніе толстовскихъ обольщеній, вся надежда и радость духоборовъ. Тѣ изъ разселенныхъ, которые рѣшались было вернуться, немедленно подвергались осмѣянію, — такимъ вслѣдъ плевали, а при встрѣчѣ шапокъ не снимали (что считается у духоборовъ самымъ обиднымъ), отлучали отъ участія въ моленіи, даже въ пищѣ, какъ измѣнниковъ. Такіе протестанты не могли пропитаться съ семьей сами по себѣ, разъ все состояніе—лошади и скарбъ вложены были въ общинную кассу, не на что было и переѣзжать и обзаводиться вновь инвентаремъ хозяйственнымъ, а потому приходилось съ волками жить—по волчьи и выть. Мѣстной власти и миссіи церкви слѣдовало бы поддержать колебавшихся и во время устранить вліяніе вредныхъ коноводовъ.

Однако нашлось около 50 семей, которыя всетаки вернулись въ Ахалкалаки на старое пепелище и теперь благословляютъ Бога. Остальные, около 3 тысячъ, продол-

жали упорствовать и ожидать обѣщаннаго интеллигентными покровителями переселенія «изъ русской халдейской земли въ обѣтованную землю, преизобильную свободой во всемъ и на все». Миссію по пріисканію такихъ земель съ воображаемыми благами взяли на себя два главныхъ виновника толстовско-духоборческаго движенія — князь Д. А. Хилковъ и Вл. Г. Чертковъ, напутствуемые самимъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ.

Что касается той части переселившихся въ Америку духоборовъ, которые проживали до самаго начала своего выѣзда заграницу на мѣстахъ осѣдлости—въ плодороднѣйшихъ земляхъ Карсской области и Елисаветпольской губерніи, то эти послѣдніе, кромѣ внутреннихъ анархическихъ мотивовъ, рѣшительно не имѣли никакихъ другихъ побудительныхъ извнѣ, со стороны дѣйствій власти, поводовъ и причинъ къ тому, чтобы оставить свое отечество.

Духоборы эти жили здѣсь привольно, богато и свободно. Несмотря на то, что они раздѣляли тотъ же анархическій образъ мыслей, что и разселенные, и также постоянно производили дерзкія демонстративныя, въ отношеніи къ мѣстной административной и судебной власти, выходки и возмутительную игру въ анархію, кавказское начальство рѣшительно не предпринимало никакихъ насильственныхъ мѣръ стѣсненія противъ личной, бытовой и религіозной жизни духоборческой массы. Болѣе мирнаго благодушнаго отношенія къ зарвавшейся, въ пассивной борьбѣ съ государственной властью, горсти безумцевъ—сектантовъ едва ли можно найти еще въ исторіи подобныхъ движеній. По широко-понятому принципу невмѣшательства во внутреннюю жизнь сектантскихъ общинъ и въ дѣла совѣсти сектантовъ, кавказская администрація Карсской обл. и Елисаветпольской губ. ограничивалась только наблюденіемъ, и то весьма слабымъ и робкимъ,—издали—за происходившимъ внутреннимъ броженіемъ въ нѣдрахъ мятущейся секты, и ограничивала свое воздѣйствіе лишь взысканіемъ въ извѣстные сроки должныхъ податей, прибѣгая иногда и къ принудительному

порядку; съ тѣми же, кто открыто учинялъ какое-либо предусмотрѣнное закономъ преступленіе, власти поступали строго легально, т. е. составляли протоколы и направляли дѣло въ судъ, подвергая виновнаго аресту и тюремному заключенію. Всѣ же прочіе духоборы постники этихъ губерній собирались свободно на свои митинги анархическіе, гдѣ велась ожесточенная пропаганда,—безпрепятственно мотали свой лишній скотъ и всякое другое имущество, въ силу отрицанія собственности и ожиданія скораго выхода изъ Египта, прощали долги, сжигали оружіе, вводили коммунистическія начала въ жизни и въ работахъ, засѣвали поля, собирали хлѣбъ, подвозили продукты цѣлыми вагонами разселеннымъ своимъ единомышленникамъ и постоянно самымъ язвительнымъ образомъ издѣвались надъ мѣстной администраціей.

Благополучно сходили духоборамъ даже и такія вещи, какъ сопротивленіе властямъ при конной переписи, которой карсскіе духоборы не позволили произвести,—неисполненіе въ теченіе 2 лѣтъ натуральной дорожной, а также подводной и квартирной повинности для надобностей войскъ и проч.

Власть терпѣливо ждала, что оставшаяся въ сторонѣ отъ толстовскаго движенія спокойная партія духоборовъ (вторая—Веригинская и старая Горѣловская) въ концѣ концовъ подавитъ возстаніе своимъ нравственнымъ воздѣйствіемъ и примѣромъ. Такъ оно и было бы, если бы не преступная агитація среди потерявшихъ голову духоборовъ со стороны интеллигентовъ-толстовцевъ, лелѣявшихъ духоборческое религіозное анархическое движеніе, какъ въ своемъ родѣ безпримѣрный въ исторіи жизни нашихъ сектъ экспериментъ,—какъ воплощеніе безумныхъ мечтаній толстовства на дѣлѣ,—въ жизни цѣлой массы. Увлекающіяся, полныя болѣзненной мечтательности, головы хотѣли испробовать и показать міру на духоборческой массѣ толстовское царство Божіе на землѣ,—жизнь на началахъ непротивленія и религіозно-соціалистической коммуны, безъ услугъ государственности и цивилизаціи.

Но вмѣстѣ съ этимъ дѣйствовало здѣсь и озлобленіе противъ правительства, которому сектанты-интеллигенты хотѣли «насолить», постаравшись выпроводить изъ Россіи тысячи полезныхъ рабочихъ. Чувства эти раздѣляли и вожаки духоборовъ,—озлобленные борьбою съ судомъ изъ-за сиротскаго дома и съ властью изъ-за ссылки Веригина. Духоборческая темная толпа, искони покорная главарямъ своимъ, пріученная на все смотрѣть глазами своихъ верховодовъ, слѣпо отдалась безумному водительству духоборческихъ «моисеевъ и аароновъ».

II.

Во главѣ интеллигентныхъ радѣтелей,—они же и губители,—духоборовъ стояли самъ графъ Л. Н. Толстой кн. Д. А. Хилковъ, В. Г. Чертковъ и Комп. Они напрягли всѣ усилія къ тому, чтобы какъ можно скорѣе вывести этого «новаго духоборческаго Израиля изъ россійскаго Египта».

Г. Чертковъ и кн. Хилковъ съ нѣсколькими соглядатаями отправились въ заморское скитаніе, на осмотръ намѣченныхъ заграницей земель: Хилкова тянуло въ Новый Свѣтъ, въ страну свободы, а Черткова на острова. Бѣдный по состоянію Хилковъ уступилъ богатому Черткову и рѣшено было водворить духоборовъ на о. Кипрѣ, а главное,—какъ можно скорѣй,—пока не раздумали духоборы. Измученные ожиданіями «земли обѣтованной», неопредѣленностью и тяжестью своего соціальнаго положенія, разселенные духоборы и сами рады были скорѣе пуститься въ путь на новоселье. Хоть гірше, да инше,—отвѣчали они на предупрежденія малорусской поговоркой. Пущенъ былъ въ ходъ сохранившійся капиталъ на ближайшіе расходы, Л. Н. Толстой пожертвовалъ свой гонораръ за «Воскресенье» и сборы къ выселенію пошли быстро. Правительство русское въ свою очередь не воспрепятствовало тому, чтобы эта, надоѣвшая всѣмъ, духоборческая муть и накипь скорѣе скатилась чрезъ эмиграціонное движеніе.

И вотъ первая партія духоборовъ двинулась весною 1898 года въ плаванье на зафрахтованныхъ англійскихъ пароходахъ, чтобы осѣсться на о. Кипрѣ.

Но здѣсь съ первыхъ же шаговъ постигло духоборовъ и «ихъ моисеевъ и аароновъ» жестокое разочарованіе и начались тѣ скорби и муки, которыя гнетутъ и теперь этихъ несчастныхъ сыновъ Россіи, и не видно этимъ страданіямъ еще конца. Оказалось, что легкомысленные интеллигентные вожаки духоборовъ пустились въ воду, не спросивши броду: мѣстное правительство, при высадкѣ новыхъ переселенцевъ на островъ, потребовало за каждую душу или семью,—хорошо не помнимъ,—около 300 руб. гарантіи, прежде чѣмъ отвести имъ земли, что въ общемъ составляло громадную сумму, которой, конечно, не оказалось въ наличности ни у интеллигентовъ, ни духоборовъ. Кое-какъ уладили вопросъ о временномъ пребываніи духоборовъ на островѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ власти предъявили къ эмигрантамъ и другія свои государственныя права и обязанности, которыя имъ были такъ ненавистны въ Россіи. Сюда же присоединился изнурительный зной, лишенія въ пищѣ и лихорадка. Духоборы страшно начали болѣть и умирать, такъ что въ короткое время несчастные расплатились за довѣріе къ легкомысленнымъ вожакамъ дорогою цѣною сотней жизней, сложившихъ свои кости на островѣ Кипрѣ. Хилковъ и Чертковъ между собой разсорились. Теперь принялся за дѣло уже кн. Хилковъ и, взявъ двухъ ходоковъ изъ духоборовъ, отправился въ Канаду, куда заманили довѣрчиваго князя ловкіе агенты эмиграціоннаго комитета канадской желѣзной дороги, всюду шныряющіе съ своими предложеніями.

Осмотръ намѣченныхъ въ Канадѣ земель производился зимою, а слѣдовательно ничего соглядатаи не могли видѣть, если бы даже и хотѣли, относительно почвы и другихъ условій хозяйственнаго быта будущихъ поселенцевъ.

Два духобора, сопровождавшіе князя, какъ незнающіе языка и условій мѣстной жизни, естественно, были лишь

автоматами въ рукахъ сіятельнаго опекуна духоборовъ, а онъ дѣйствовалъ, какъ помраченный сектантъ-фанатикъ, о всемъ судилъ съ сектантской своей точки зрѣнія, не обращая ровно никакого вниманія на мѣстныя условія быта и жизни, выбиралъ наиболѣе пустынную мѣстность, заботясь главнымъ образомъ о томъ, чтобы мѣстность была удалена отъ городскихъ соблазновъ и «тлетворной цивилизаціи». Больная мысль была напряжена на заботахъ о томъ, чтобы духоборы были возможно болѣе изолированы отъ всякаго сторонняго вліянія и могли бы сохранить свои, т. е. толстовскія, начала жизни, чтобы не соблазнялись никакими другими занятіями, кромѣ земледѣлія и скотоводства, словомъ, чтобы не избаловались. Администраціи же Канадской желѣзной дороги было наруку заселить тѣ именно свои необозримыя пустыни, гдѣ никто изъ здравомыслящихъ людей никакъ не хотѣлъ осѣдать, опасаясь погибнуть съ голоду и отъ безработицы.

Съ тою же стремительностью и съ неменьшимъ легкомысліемъ заключены были самыя нелѣпыя предварительныя условія и уже не для однихъ кипрскихъ духоборовъ а для всей массы изъ партіи постниковъ Карсской обл. и Елисаветпольской губ. Отъ послѣднихъ неудача съ кипрской колонизаціей очевидно была скрыта. И вотъ весною 1899 года въ нѣсколько партій двинулись духоборы-постники съ Кавказа, позже съ Кипра, опять-таки на зафрахтованныхъ англійскихъ пароходахъ. Одной изъ партій предводительствовалъ сынъ гр. Льва Николаевича, Сергѣй Толстой (бывшій земскій начальникъ!). Кромѣ того сопровождало духоборовъ до 20 интеллигентовъ и интеллигентокъ изъ толстовской секты, ѣхавшихъ сюда и въ качествѣ просвѣтителей темной массы, и устроителей толстовскаго «царства Божія».

Съ какими чувствами духоборы-эмигранты оставляли свою родную страну и съ какими дѣйствительными думами вступили они на материкъ Новаго Свѣта, какъ доставились и устрояются, какова нынѣ судьба и положеніе духоборовъ въ Канадѣ, русское читающее общество обо всемъ

этомъ мало освѣдомлено: все, что появлялось въ печати объ этой духоборческой эпопеѣ, исходило изъ подъ пера сопровождавшихъ духоборовъ интеллигентныхъ пестуновъ, которые въ первое время на столбцахъ то «Русскихъ Вѣдомостей», то «С.-Петербургскихъ» много разъ показывали, съ позволенія сказать, либеральный кукишъ по адресу русскаго правительства и общества,—что-де вотъ мы какъ ловко и скоро утащили изъ варварской Россіи духоборовъ — молодцевъ и устроили «наше царство Божіе»...

Но въ послѣднее время эти бытописатели духоборческой эпопеи умолкли. И вотъ, въ началѣ 1900 г. рѣзкимъ диссонансомъ въ хвалебномъ концертѣ либеральныхъ повѣствователей о духоборческой аркадіи въ Канадѣ раздался впервые протестующій голосъ изъ среды самихъ выселившихся сектантовъ. Нѣкто духоборъ Гончаровъ прислалъ своимъ роднымъ въ Закавказье письмо, полное отчаянія отъ тяжелой участи, какая постигла духоборовъ на новосельи въ Новомъ Свѣтѣ и просилъ принять его вновь въ Славянку. По его словамъ, поселившіеся въ Канадѣ духоборы терпятъ гнетущую бѣдность, голодъ и холодъ,—сами впрягаются въ телѣги и сохи, и что земля никуда не годится для земледѣлія. Вотъ это письмо:

«Возлюбленные и дорогіе братцы и сестрицы, живущіе на Кавказѣ! Вы жалуетесь на скуку, а между тѣмъ лучше бы я и весь вѣкъ свой прожилъ на Кавказѣ между армянами и татарами, чѣмъ переселился въ Канаду. У меня голова кружится и руки опустились. *Жизнь наша въ Канадѣ очень горька и полна лишеній.* Лѣсъ у насъ таскаютъ на людяхъ, для чего къ бревну привязываютъ нѣсколько человѣкъ мужчинъ и женщихъ; въ плугъ при распашкѣ земли также впрягаются люди. На-дняхъ я отправился въ поле размыкать горе, и вижу въ одномъ мѣстѣ пашутъ два плуга, въ каждый изъ которыхъ впрягались по семи паръ мужчинъ и женщинъ. То были наши горѣловскіе (изъ села Горѣлаго, Ахалцыхск. уѣзд.). причемъ въ первой

парѣ ходили Савва Астафуровъ и Семенъ Яшинъ (прежде были люди весьма зажиточные и владѣвшіе крупными стадами овецъ и другого скота), въ другомъ мѣстѣ пахало нѣсколько плуговъ, которые таскали троицкіе (изъ сел. Ново-Троицкаго); въ третьемъ мѣстѣ нѣсколько стариковъ лопатками ковыряли землю. Между всѣми происходили споры и раздоры, порождаемые нуждою. *Земля тутъ совершенно негодная*—мелкій, какъ пыль, песокъ морской, едва покрытый тонкимъ слоемъ чернозема отъ навоза. Мѣстные жители говорятъ, что здѣсь родится только овесъ и картофель, часто побиваемый морозомъ. Худобы (скота) нѣтъ: пара лошадей стоитъ на русскія деньги 400—600—700 р., пара быковъ стоитъ 250 р., корова—125—150 р., пудъ муки 1-го сорта стоитъ 3 р., 2-го сорта — 2 р. 40 к. и 3-го сорта — 1 р. 50 к.; пудъ овса стоитъ 80 к.—1 р.; ячменя вовсе нѣтъ; сѣна также нѣтъ. есть какая-то скверная трава, ясакъ, ни на что негодная. Если бы наше кавказское сѣно да въ Канаду,—ему цѣны бы не было. Такъ какъ жителей въ Канадѣ мало, то лѣтомъ рабочій стоитъ въ мѣсяцъ 30, 40 и даже 50 р., зимою же рабочіе вовсе не нужны. Милые братья, *не приведи васъ Господь Богъ бросить русскую землю и ея разноцвѣтныя поля.* Хорошо было нашимъ, сидя въ тюрьмѣ на казенномъ продовольствіи, расписывать о прелестяхъ Канады; теперь же, въ Канадѣ они мечтаютъ о русской землѣ. Похлопочите, братцы, чтобы меня обратно приняли, и если напишете, что правительство разрѣшаетъ мнѣ вернуться, пріѣзду и все вамъ разскажу, все горе наше вамъ повѣдаю. Если же меня обратно не примутъ, поѣду въ Америку или въ Англію, но въ Канадѣ не останусь». Гончаровъ, спасаясь отъ голода и нужды, бѣжалъ изъ Америки въ Закавказье.

Здѣсь Гончаровъ своими разсказами лично засвидѣтельствовалъ закавказскимъ духоборамъ объ адской жизни въ Канадѣ. По его словамъ, духоборы должны или какъ можно скорѣе переселиться въ другія мѣстности, или же погибнуть въ борьбѣ за существованіе. Этотъ

живой свидѣтель тяжелой драмы, постигшей духоборовъ-эмигрантовъ, содѣйствовалъ успокоенію второй партіи, также соблазнявшейся-было сказками интеллигентныхъ мечтателей о благахъ жизни «въ странѣ свободы и всякаго довольства».

Позже о несладкомъ американскомъ житьѣ-бытьѣ духоборовъ сообщилъ г. Тверской, писатель изъ либеральнаго лагеря, на страницахъ «Вѣстн. Европы». Проживая уже много лѣтъ въ Америкѣ, г. Тверской произвелъ лѣтомъ 1900 года обстоятельное обслѣдованіе на мѣстѣ всѣхъ связанныхъ какъ съ переселеніемъ духоборовъ, такъ и съ настоящимъ положеніемъ условій ихъ жизни въ Канадѣ. Плодомъ этого изслѣдованія въ концѣ 1900 г. явилась въ свѣтъ полная живого интереса брошюра подъ заглавіемъ «Духоборческая эпопея».

Достойно вниманія, что свѣдѣнія г. Тверского совпадаютъ съ показаніями духобора Гончарова. Сюда же нужно отнести и свѣдѣнія оффиціальнаго донесенія нашего консула въ Канадѣ г. Струве, также лично обозрѣвавшаго духоборческія поселенія въ Канадѣ.

III.

Въ свѣдѣніяхъ этихъ живыхъ и несомнѣнно безпристрастныхъ свидѣтелей, картина жизни духоборовъ въ Канадѣ представляется крайне мрачною. Земли, на которыхъ осѣли наши сектанты въ провинціи Ассинибойя, по своимъ климатическимъ и геологическимъ свойствамъ во многихъ поселеніяхъ почти равносильны тундрамъ нашей Якутской области; при этомъ мѣстность эта съ бѣдной растительностью и плохою водою. Климатъ такъ суровъ, что пшеница не созрѣваетъ, лѣтомъ бываютъ нерѣдко морозы, которые побиваютъ хлѣбъ и овощи; лѣтомъ донимаетъ зной и комары, а зимой суровые холода и пронизывающіе сухіе вѣтры. Разведеніе скотоводства немыслимо для духоборовъ, такъ какъ на это нужны деньги и умѣніе ухаживать и сбывать скотъ

въ этой странѣ жестокой конкуренціи, чего у духоборовъ нѣтъ.

Внѣшняя обстановка жизни поселенцевъ нищенская. Духоборы построили землянки и мазанки, съ русскими печами, которыя оказались малопригодными для мѣстнаго климата. Среди переселенцевъ масса заболѣваній, особенно ревматизмомъ и чахоткой; больные не имѣютъ ни лѣкарствъ, ни врачей. Работы на сторонѣ достать очень нелегко, благодаря опять-таки конкуренціи и незнанію духоборами мѣстныхъ условій жизни, языка и ремеслъ.

Все привезенное состояніе проѣдено и истрачено на насущныя нужды при первоначальномъ обзаведеніи хозяйствомъ, кромѣ того уже въ 1900 году накопились значительные долги. Первую зиму духоборы существовали, главнымъ образомъ, на пособіе и помощь извнѣ, которая достигла до 50 т. долларовъ. Слѣдующую зиму, если бы не было такой же щедрой помощи, —несчастнымъ духоборамъ эмигрантамъ грозила бѣдствія страшной голодовки. Мѣстное населеніе относится недружелюбно къ духоборамъ, какъ къ конкурентамъ въ борьбѣ за существованіе, при этомъ узнавъ чудачества непротивленія духоборовъ, ихъ не обижаютъ только одни лѣнивые. Словомъ, духоборы оказались въ Нововъ Свѣтѣ въ жалкомъ положеніи чуть-ли не паріевъ и рабовъ.

«Изслѣдованіе жизни духоборовъ,—говоритъ г. Тверской въ одномъ своемъ частномъ, а потому несомнѣнно откровенномъ сообщеніи въ Петербургъ, не оставило во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что все дѣло велось и руководилось толстовцами, и что самъ гр. Л. Н. Толстой посредствомъ посланій стремится быть ихъ нравственнымъ вождемъ и доселѣ. Духоборы связаны и закрѣпощены самымъ основательнымъ образомъ; въ ихъ настоящемъ положеніи они изолированы отъ всякихъ вліяній, *кромѣ толстовскихъ*, могутъ разсчитывать не умереть съ голоду, только благодаря пожертвованіямъ идущимъ изъ толстовскихъ сферъ въ Америкѣ, Европѣ и

и Россіи, и всякая попытка помочь имъ, какъ бы то ни было, встрѣчаетъ со стороны толстовцевъ самый энергичный отпоръ... Они, съ княземъ Д. Хилковымъ во главѣ, вступили даже въ союзъ съ правительствомъ Канадскихъ территорій въ Виннипегѣ, безусловно контролируемомъ Канадской Тихо Океанской дорогой Canadian Pacific R. R Co—и всяческими путями, легальными и косвенными, препятствуютъ идеѣ переселенія духоборовъ въ лучшія мѣста, но такія, гдѣ ихъ нравственный контроль неизбѣжно долженъ будетъ исчезнуть въ самомъ непродолжительномъ времени».

Упорные и настойчивые по характеру, всегда бодрые и самоувѣренные, духоборы теперь упали духомъ и впали въ апатію, уже нѣсколько лѣтъ какъ привыкли жить на щедрыя подачи со стороны, отъ квакеровъ и толстовцевъ, на которыя понакуплены и скотъ и инвентарь. Интеллигентные просвѣтители мало по малу поразъѣхались, очевидно, или разочаровавшись въ духоборахъ, или не выдерживая физическаго гнета окружающихъ условій жизни въ насажденномъ ими въ Канадскихъ тундрахъ «толстовскомъ царствѣ Божіемъ». Такова правда о духоборческой эпопеѣ!

VI.

Борьба за существованіе и инстинктъ самосохраненія, естественно, должны отрезвлять, болѣе здравомыслящихъ изъ духоборческой массы отъ угара толстовскихъ фантазій, ослабивъ слѣпую приверженность сектантовъ къ анархическимъ и коммунистическимъ принципамъ лжеученія и жизни своихъ непрошенныхъ вождей. Духоборы, при надвинувшейся опасности голода и лишеній, понятно стали болѣе заботиться о личной собственности, и вотъ это-то ихъ поведеніе, очевидно, не нравится интеллигентамъ просвѣтителямъ, такъ такъ они поспѣшили донести объ этой начинающейся перемѣнѣ въ воззрѣніяхъ и дѣйствіяхъ канадскихъ поселенцевъ самому

Льву Николаевичу... Ему тоже не понравилось, что голодающіе духоборы дорожатъ собой и семьей больше, чѣмъ другими, забывая, что вѣдь все равно „околѣвать"-то придется... Льва Николаевича, повидимому, даже раздражаютъ „эти грѣхи и соблазны" духоборовъ.

Раздраженіе и скорбь Л. Н. Толстого, по поводу метаморфозы въ коммунистической жизни, и въ воззрѣніяхъ духоборовъ вполнѣ понятны: вѣдь съ духоборческимъ движеніемъ у Л. Н., какъ ересеначальника, соединено было такъ много надеждъ радужныхъ, такою дорогою цѣною всяческихъ жертвъ и гибелью столькихъ жизней стоило возродить и поддержать это движеніе и вдругъ при первомъ же налетѣ жизненнаго шквала созижденная, по точному плану толстовизма, духоборческая храмина оказалась на песцѣ,—безъ прочныхъ устоевъ и такъ скоро начинаетъ разрушаться въ самомъ основаніи,—въ коммунистической ея сторонѣ!.. И вотъ Левъ Николаевичъ къ голоднымъ и изнуреннымъ гнетомъ разочарованія и тяжкими жизненными условіями обращается съ укорительнымъ и увѣщательнымъ посланіемъ, напечатаннымъ и собственноручно имъ подписаннымъ, въ Москвѣ 17 февраля 1904 года (мы имѣли въ рукахъ это посланіе). Документъ этотъ весьма любопытенъ для характеристики нынѣшняго нравственнаго настроенія духоборовъ и «великаго человѣка», выражаясь словами газетныхъ бюллетеней. Посланіе это производитъ впечатлѣніе фарисейскаго разглагольствованія упорнаго въ своихъ заблужденіяхъ фанатика, сытаго, гордаго крѣпостника—только въ другой—духовной сферѣ,—«неразумѣющаго по голоднымъ» и требующаго отъ рабовъ слѣпой покорности его праву... Вы, молъ, хоть умирайте, а нашу барскую волю творите...

Въ этомъ характерномъ посланіи Левъ Николаевичъ выступаетъ безъ маски, какъ истый ересеучитель и какъ завзятый коммунаръ. Для насъ документъ этотъ важенъ, въ качествѣ новаго очевиднаго доказательства вѣрности высказаннаго нами въ печати еще въ 1897 году глубокаго убѣжденія, что главными виновниками всей духоборческой

драмы [1]), съ самаго ея начала и до сего дня являются интеллигенты толстовцы во главѣ съ самимъ Львомъ Николаевичемъ и что переселеніе въ Америку,—какъ предсказывали мы тогда,—будетъ новою затяжкою мертвой петли на шеѣ злополучныхъ духоборовъ. Вотъ это новое русской читающей публикѣ невѣдомое произведеніе...

«Любезные братья и сестры

Всѣмъ намъ, исповѣдающимъ христіанское ученіе и желающимъ, чтобы жизнь наша согласовалась съ этимъ ученіемъ, надо помогать другъ другу. И самая нужная помощь—въ томъ, чтобы указать другъ другу тѣ грѣхи и соблазны, въ которые мы впадаемъ, не замѣчая ихъ.

Потому то и я, прося братьевъ моихъ о помощи въ тѣхъ моихъ грѣхахъ и соблазнахъ, которыхъ я не вижу, считаю своимъ долгомъ указать вамъ, любезные братья и сестры, на тотъ соблазнъ, которому, какъ я слышу, подпадаютъ нѣкоторые изъ васъ»

Но здѣсь позвольте остановиться и спросить: а кто вами, Левъ Николаевичъ, братья? Извѣстный кругъ еди-

[1]) Въ концѣ 1904 года въ «Новомъ Времени» было напечатано нѣсколько статей о духоборческихъ волненіяхъ и объ эмиграціи сектантовъ въ Америку. Анонимный авторъ, повидимому, непримиримый армянофобъ главною пружиною духоборческой эпопеи считаетъ происки армянъ, желавшихъ воспользоваться духоборческими землями, и коварства армянствующей, мѣстной администраціи.

«Новому Времени» по этому пункту возражалъ въ «Кавказѣ» В. С. въ цѣломъ рядѣ весьма основательныхъ статей, опиравшихся на неоспоримыя оффиціальныя данныя. Мы считаемъ долгомъ здѣсь замѣтить, что серьезное изученіе духоборческаго движенія не даетъ основаній къ тому, чтобы согласиться съ авторомъ статей «Нов. Вр.».

Правда, армяне не симпатичны и составляютъ величайшее зло на Кавказѣ, но истина дороже симпатій и антипатій и мы рѣшительно утверждаемъ, что армяне въ исторіи духоборческой эпопеи совсѣмъ не играютъ той злой роли, какую подозрѣваетъ за ними «Нов. Вр.»; одно, что армяне поживились на счетъ чудачествъ ошалѣвшихъ постниковъ, когда послѣдніе начали мотать свой скотъ, скарбъ, хлѣбъ. По нашимъ даннымъ, болѣе основаній подозрѣвать и обвинять не только въ благоглупостяхъ, но и въ злоупотребленіяхъ въ духоборческой исторіи, грузинъ, чѣмъ армянъ. Въ жестокомъ спорѣ Веригиновъ съ Горѣловцами играетъ роль Ахалкалакскій уѣздный начальникъ—

нія. Христосъ учитъ воздавать кесарю-кесарево (Марк. 12, 17). Слово Божіе заповѣдуетъ—Царя бояться и почитать (2 Петр. 2. 17), ибо Царь Божій слуга, тебѣ же на добро (Рим. 13, 4); совершать молитвы за Царя и за всѣхъ начальствующихъ (1 Тим. 2, 1—3); съ мятежниками не собираться (Притч. 4, 21); воздавать всѣмъ должное,—кому честь, кому дань (Рим. 13, 7); начальниковъ не злословить, князя не поносить (Исх. 22, 28); повиноваться властямъ предержащимъ, *подати платить* (Рим. 13. 1);—быть покорнымъ всякому человѣческому начальству для Господа: Царю-ли, какъ верховной власти, правителямъ-ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро. Такова есть воля Божія (1 Петр. 2, 13—15), противящіеся сами на себя навлекаютъ осужденіе (Рим. 13, 3). Такъ учитъ истинное христіанство,—такова воля Божія.

Духоборы-постники, они же толстовцы, всѣ эти завѣты христіанскаго ученія попрали.

Если же сектанты терпѣли наказанія, то за преступленія противъ законовъ Божескихъ и человѣческихъ. «Но какая имъ похвала», по слову ап. Петра, когда ихъ наказываютъ за проступки (1 Петр. 2 гл.)? Причемъ тутъ христіанское ученіе? Вѣдь вотъ самъ-то Левъ Николаевичъ, по собственному признанію, братъ духоборовъ, и, очевидно, не только раздѣляетъ ихъ вредныя противоправительственныя воззрѣнія, но и одобряетъ, вдохновляетъ сектантовъ, ведетъ такую же «христіанскую» жизнь, какъ и духоборы, однако его никто не гонитъ, и не преслѣдуетъ, такъ какъ закономъ предусмотрѣнныхъ преступленій онъ открыто не совершаетъ. А развѣ не пустыя это фразы,—что будто бы враги христіанства (власти русскія) смутились отъ анархическихъ безобразій горсти духоборовъ, старались скрыть (отъ кого?) ихъ дѣла (а вотъ я-де, графъ Толстой, безбоязненно открылъ все это міру въ подпольныхъ листкахъ лондонскаго свободнаго слова)?..

И затѣмъ, что это — злая шутка надъ истиной или обольщеніе, что будто бы «дѣла духоборовъ содѣйствовали

уничтоженію царства зла»? Даже канадская администрація, за короткое время, успѣла убѣдиться и заявляетъ, что духоборы деморализировали мѣстное населеніе, такъ какъ развился грабежъ на счетъ непротивленцевъ; тоже замѣчалось и на Кавказѣ. Кому не ясно, что кромѣ увеличенія зла и несчастій духоборческая эпопея никому ничего добраго не принесла?

Эта приведенная часть посланія весьма важна, какъ откровенное признаніе самимъ гр. Толстымъ, что духоборы совершали тѣ дѣянія, которыя—на языкѣ законовъ государственныхъ и по здравому смыслу—суть анархическія преступленія, и что онъ, графъ и К°—«сторонники этого ученія»,—радовались, торжествовали, любили и восхваляли духоборовъ мятежниковъ, иначе говоря принимали самое живое и дѣятельное участіе въ духоборческой злосчастной исторіи.

Слѣдя далѣе за посланіемъ, мы находимъ въ немъ скорбное признаніе Л. Н. Толстымъ того, что духоборы въ Канадѣ дѣйствительно начинаютъ выходить изъ повиновенія своимъ командирамъ-интеллигентамъ,—измѣняютъ коммунѣ и «толстовскому христіанству».

Левъ Николаевичъ смущенъ этимъ и горячо убѣждаетъ ихъ и впредь оставаться въ туманѣ его лжеученія.

«Теперь же я узнаю изъ писемъ нашихъ друзей о томъ, что жизнь многихъ изъ васъ въ Канадѣ такова, что смущены уже сторонники христіанскаго ученія, а радуются и торжествуютъ враги его. «Вотъ они ваши духоборы,- говорятъ теперь враги христіанства,—какъ только переѣхали въ Канаду, въ свободную страну, такъ и стали жить такъ же, какъ и всѣ люди, такъ же копятъ имущество каждый для себя и не только не дѣлятся съ братьями, но стараются захватить каждый для себя, какъ можно больше. Такъ, что все, что они прежде дѣлали только по приказанію своихъ главарей, не понимая хорошенько, зачѣмъ они это дѣлаютъ».

«Любезные братья и сестры! Знаю я и понимаю всю трудность вашего положенія въ чужой сторонѣ, среди чужихъ людей, ничего никому не дающихъ даромъ, и знаю я, какъ страшно думать о томъ, что близкіе, слабые

семейные люди останутся безъ средствъ и помощи. Знаю, какъ трудно бываетъ жить въ общинѣ и какъ обидно бываетъ работать на другихъ, которые не заботливы и тратятъ пріобрѣтенное чужими трудами. Все это я знаю, но знаю и то, что если вы хотите продолжать жить христіанскою жизнью и не хотите отречься отъ всего того, за что пострадали и были изгнаны изъ отечества, то вамъ нельзя жить по-мірски и собирать отдѣльно для себя и для своей семьи собственность и удерживать ее отъ другихъ людей. Вѣдь это только намъ кажется, что можно быть христіаниномъ и имѣть собственность и удержать ее отъ другихъ людей; но это невозможно».

А что если, читая приведенныя строки, голодающіе духоборы спросятъ Льва Николаевича такъ: «учитель благій, ты говоришь *намъ нельзя жить по мірски,—нельзя отдѣльно собирать, удерживать для себя и семьи собственности, а вамъ, учитель, можно* жить по барски,—припѣваючи въ своей родовой Ясной Полянѣ, или въ Москвѣ на Хамовникахъ?—Тысячи собирать въ корвану для семьи вашей, отъ продажи *вашей собственности*—изданій? Вѣдь вы, учитель, такой же христіанинъ и братъ, какъ и мы, но мы съ семьями голодаемъ, а вы изъ первыхъ въ уѣздѣ по богатству имѣній—собственникъ. Мы слышали, что вы извиняете себя предъ своими послѣдователями тѣмъ, что-де неосмотрительно передали всѣ права своей собственности супругѣ и дѣтямъ, а сами остались яко нагъ, яко благъ, не предвидя тѣхъ противорѣчій, въ какія поставили себя, какъ собственника безъ правъ и какъ свидѣтеля попранія вашей теоріи вашими же присными,—но вѣдь это и мы,—темные духоборы, можемъ понять, какъ фарисейскую уловку, разсчитанную на усыпленіе совѣсти вашей и на наивность насъ и подобнымъ намъ, ослѣпленныхъ вами, страдальцевъ за ваше фарисейское лжеученіе. Простите насъ, сіятельный нашъ братъ, но мы, простые голодные мужики, теперь начали понимать обманъ вашего ученія и болѣе не хотимъ слѣпо повиноваться командѣ вашей и вашихъ... Вы говорите, учитель, что знаете, какъ трудно жить въ общинѣ и работать на другихъ. Но позвольте спросить, откуда вы знаете это, не изъ горькаго же

опыта? На собственной особѣ вѣдь вы никогда не попробовали этихъ «душеспасительныхъ благъ», хотя бы, напр., въ нашихъ Канадскихъ тундрахъ?—Поучительно, что бы могъ отвѣтить на подобные вопросы ясно-полянскій моралистъ голоднымъ мужикамъ-духоборамъ? Но продолжимъ цитацію посланія.

«Стоитъ людямъ признать это—и отъ христіанства очень скоро не останется ничего (?), кромѣ словъ, и, къ сожалѣнію, неискреннихъ и лицемѣрныхъ словъ. Христосъ сказалъ, что нельзя служить Богу и мамонѣ; одно изъ двухъ: или собирать для себя собственность, или жить для Бога. Сначала кажется, что между отрицаніемъ насилія, отказомъ отъ военной службы и признаніемъ собственности нѣтъ никакой связи (А развѣ неправда?). «Мы христіане, не покланяемся внѣшнимъ (?) богамъ, не присягаемъ, не судимъ, не убиваемъ,—говорятъ многіе изъ насъ (sic), то же, что мы трудомъ своимъ пріобрѣтаемъ собственность не для обогащенія, а для обезпечиванія своихъ близкихъ, то этимъ не только не нарушаемъ ученія Христа, но еще исполняемъ его, если отъ избытка своего помогаемъ именно нищимъ (Таковъ взглядъ вселенской Церкви Христовой во всѣ времена христіанства былъ и есть). Но это не правда?! Вѣдь собственность значитъ то, что я считаю своимъ, я не только не дамъ (почему же?) всякому, кто захочетъ взять это мое, но и буду защищать это отъ него. Защищать же отъ другого то, что считаешь своимъ, нельзя иначе, какъ насиліемъ, т. е., въ случаѣ нужды (а если ея не будетъ?) борьбою, дракою, даже убійствомъ. Если бы не было этихъ насилій и убійствъ, то никто бы (?) не могъ удержать собственности. Если же мы удерживаемъ собственность, не дѣлая насилія, то только потому, что собственность наша ограждена угрозой насилія и самимъ насиліемъ и убійствомъ, которыя совершаются надъ людьми вокругъ насъ.

У насъ, если мы и не защищаемъ ее,—не отнимаютъ нашу собственность только потому, что думаютъ, что мы такъ же, какъ и другіе, будемъ защищать ее.

Потому признаніе собственности есть признаніе насилія и убійства, и вамъ не зачѣмъ было отказываться отъ военной и полицейской службы, если вы признаете собственность, которая поддерживается только военной и полицейской службой. Тѣ, которые исправляютъ военную и полицейскую службу и пользуются собственностью, по-

ступаютъ лучше, чѣмъ тѣ, которые отказываются и не несутъ военной и полицейской службы, а хотятъ пользоваться собственностью; такіе люди, сами не служа, хотятъ для своихъ выгодъ пользоваться чужой службой Христіанское ученіе нельзя брать кусочками: или все, или ничего. Оно все неразрывно связано въ одно цѣлое. Если человѣкъ признаетъ себя сыномъ Божіимъ, то изъ этого признанія вытекаетъ любовь къ ближнему, а изъ любви къ ближнему одинаково слѣдуетъ и отрицаніе насилія, и присяги, и службы, и собственности».

Все вышеприведенное разсужденіе о собственности производитъ впечатлѣніе *страннаго софизма*, гдѣ извращено и ученіе Христа, и здравый взглядъ на жизнь, и обыденныя вещи. По взгляду графа Толстого—«если люди отказались отъ насилія, судовъ и войны, то они должны отказаться и отъ собственности, потому что насиліе и суды нужны только для удержанія собственности. Если же люди держатъ собственность, то имъ необходимо и насиліе, и суды, и все мірское устройство».

Таковъ *анализъ* графа Толстого въ отношеніи связи явленій общественной жизни. Курьезно читать эти наивноважныя разсужденія, которыя показывали бы въ графѣ нѣкоторую наблюдательность только въ томъ случаѣ, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ публицистъ по поводу философіи яснополянскаго философа, еслибъ онъ всю жизнь доселѣ провелъ во снѣ, или на необитаемомъ островѣ, и только теперь впервые увидалъ общественную жизнь, почему, спрашивается, нельзя быть христіаниномъ и имѣть собственность? Христосъ никогда и нигдѣ въ свят. Своемъ Евангеліи не отрицаетъ правъ человѣка на собственность. Говоря, что нельзя служить Богу и мамонѣ, Христосъ только предостерегаетъ отъ пристрастія къ матеріальной сторонѣ жизни,—къ земнымъ благамъ, до забвенія единаго на потребу, отъ увлеченія корыстію, скаредностью, до попранія заповѣдей Божьихъ; именно предостерегаетъ отъ *такого духовнаго скареднаго отношенія людей къ собственности*, которое рисуетъ гр. Толстой въ своей проповѣди духоборамъ, когда человѣкъ не въ состояніи разстаться

съ стяжаніями своими, не отзывчивъ къ нуждѣ неимущаго брата, когда *за свое* онъ готовъ, дѣйствительно, лѣзть на драку и насиліе. Но вѣдь не всѣ же собственники такіе скареды, какъ представляетъ ихъ гр. Толстой!..

Есть и люди добрые, которые безъ драки и насилія готовы помогать меньшей братіи. Однако, какъ низко и пошло думаетъ Л. Толстой о нравственномъ состояніи христіанскаго общества и вообще человѣчества, представляя всѣхъ такими любителями чужой собственности, которыхъ только угрозы штыка да наказаніе суда будто бы удерживаютъ отъ грабежей!..

Ниже въ своемъ посланіи Левъ Николаевичъ и самъ противорѣчитъ только что высказаннымъ доводамъ, разсуждая уже не просто о собственности, а *о пристрастіи къ ней*. На этомъ вѣрномъ пути мышленія взгляды его безспорно убѣдительны для читателя, хотя въ концѣ онъ опять впадаетъ въ парадоксъ, совѣтуя людямъ—разумнымъ и свободнымъ существамъ, обратиться къ животной жизни птицъ небесныхъ.. А въ концѣ концовъ учитель и обличитель духоборовъ забываетъ и про христіанство, и про Царство Божіе, и говоритъ практическимъ языкомъ собственника и коммуниста—о выгодахъ и пользѣ общинной жизни...

«Кромѣ того, пристрастіе къ собственности само по себѣ есть обманъ, и Христосъ раскрываетъ намъ его. Онъ говоритъ, что человѣкъ не долженъ заботиться о завтрашнемъ днѣ, и не потому, что въ этомъ есть какая нибудь заслуга, и что это велитъ Богъ, а потому, что такая забота ни къ чему не ведетъ, что этого нельзя, и что кто будетъ дѣлать это, тотъ будетъ дѣлать глупость, стараясь сдѣлать невозможное. Человѣку невозможно обезпечить себя, во-первыхъ потому, что онъ смертенъ, какъ это показано въ евангельской притчѣ о богачѣ, построившемъ житницы, и, во-вторыхъ потому, что никогда нельзя найти предѣлъ нужнаго обезпеченія. Насколько времени нужно обезпечить себя? на мѣсяцъ? на годъ? на 10 лѣтъ? на 50? обезпечить ли только себя или и своихъ дѣтей, и своихъ внуковъ? и чѣмъ обезпечить? ѣдой или и одеждой, и жилищемъ, и какой ѣдой и какимъ жилищемъ?

Кто начнетъ обезпечивать себя, тотъ никогда не придетъ къ концу обезпечиванія, а только напрасно погубитъ свою жизнь, какъ и сказано: кто захочетъ сохранить свою жизнь, тотъ погубитъ ее. Развѣ мы не видимъ богачей, живущихъ бѣдственно, и бѣдняковъ, живущихъ радостно. Человѣку не нужно себя обезпечивать, какъ и сказалъ Христосъ. Онъ обезпеченъ разъ навсегда Богомъ: такъ же, какъ обезпечены птицы небесныя и цвѣты полевые.

Да, но если такъ, и люди всѣ не будутъ работать, не будутъ пахать, сѣять, то всѣ помрутъ съ голоду,—говорятъ обыкновенно тѣ, которые не понимаютъ или не хотятъ принять ученіе Христа во всемъ истинномъ его значеніи. Но вѣдь это только отговорка. Христосъ не запрещаетъ работать человѣку и не только не совѣтуетъ быть празднымъ, но, напротивъ, велитъ всегда работать, но только работать не на себя, а на другихъ. Сказано: сынъ человѣческій пришелъ не для того, чтобы ему служили, а для того, чтобы самому служить людямъ, и трудящійся достоинъ пропитанія. Человѣкъ долженъ работать какъ можно больше, но только не удерживать себѣ, не считать своимъ того, что онъ сработалъ, а отдавать другимъ.

Чтобъ вѣрнѣе всего обезпечить себя, человѣку есть одно средство, и это средство то самое, которому училъ Христосъ: какъ можно больше работать и довольствоваться какъ можно меньшимъ. Человѣкъ, который будетъ поступать такъ, вездѣ и всегда будетъ обезпеченъ. Христіанское ученіе нельзя брать кусочками: взять одно и оставить другое. Если люди, принявъ ученіе Христа, отказались отъ насилія судовъ, войны, то они должны отказаться и отъ собственности. Если же люди держатъ собственность, то имъ необходимо и насиліе, и все мірское устройство.

Соблазнъ собственности есть самый тонкій соблазнъ, вредъ котораго очень хитро скрытъ отъ людей, и поэтому такъ много христіанъ претыкались объ этотъ камень (не исключая и вашего сіятельства)!

И потому, дорогіе братья и сестры, устраивая вашу жизнь на чужой сторонѣ, послѣ того какъ вы были изгнаны (?) изъ своего отечества за вѣрность (sic) христіанскому ученію, я вижу ясно, что вамъ со всѣхъ сторонъ выгоднѣе (sic) продолжать жить христіанскою жизнью, чѣмъ измѣнить этому, начать жить жизнью мірскою. Выгоднѣе жить и работать сообща со всѣми тѣми, которые захотятъ жить такою же жизнью, какъ и вы,

чѣмъ жить каждому отдѣльно, собирая только для себя и для своей семьи, не дѣлясь съ другими. Выгоднѣе жить такъ, во-первыхъ, потому что, не припасая на будущее, вы не будете тратить безполезно силъ на невозможное для смертнаго человѣка обезпеченье себя и семьи; во-вторыхъ не будете тратить силъ на борьбу съ другими, чтобы удержать отъ ближнихъ каждый свое имущество; въ третьихъ, потому, что безъ сравненія больше сработаете и пріобрѣтете работая общиной, чѣмъ сколько сработали бы, работая каждый отдѣльно; въ четвертыхъ, потому что, живя христіанской жизнью, вы, въ окружающихъ васъ людяхъ, вмѣсто зависти и недружелюбія, вызовете къ себѣ любовь, уваженіе и, можетъ быть, подражаніе своей жизни; въ пятыхъ, потому что *не погубите* (?) *того дѣла, которое вы начали и которымъ посрамили* (?) *враговъ и порадовали* (?) *друзей Христа*».

Вотъ въ этомъ то и вся суть дѣла:—вы хоть тамъ околѣвайте въ своихъ тундрахъ, да не подрывайте кредита къ теоріи непротивленія и не огорчайте меня — яснополянскаго пророка и учителя новой жизни.

«Знаю я, что трудно не имѣть ничего своего; трудно быть готовымъ отдать то, что имѣешь и нужно для семьи, всякому просящему; трудно покоряться избраннымъ руководителямъ, когда кажется, что они неправильно распоряжаются; трудно переносить недостатки другъ отъ друга; трудно воздержаться отъ привычекъ роскоши, мяса, табаку, вина. (Какое тамъ вино, мясо, когда люди безъ хлѣба и жилища пропадаютъ!). Знаю, что все это кажется трудно. Но, любезные братья и сестры, вѣдь мы нынче живы, а завтра пойдемъ къ Тому, Кто послалъ насъ въ этотъ міръ. Стоитъ ли изъ за того (вѣдь все равно умирать надо!), чтобы называть вещи своими и по-своему (да нечѣмъ же!) распоряжаться ими, изъ за нѣсколькихъ пудовъ муки, долларовъ, шубы, пары воловъ, изъ-за того, чтобы не дать неработающимъ воспользоваться тѣмъ, что я сработалъ, изъ за обиднаго слова, изъ за гордости, изъ за вкуснаго куска—идти противъ Того, Кто послалъ насъ въ міръ (не вѣрнѣе ли того, кто увлекъ въ Канаду?), и не дѣлать того, чего Онъ отъ насъ хочетъ, и что мы можемъ исполнить только въ этой нашей жизни. А хочетъ Онъ отъ насъ немногаго: только того, чтобы мы дѣлали другимъ то, чего для себя хотимъ. И хочетъ Онъ этого не для себя, а для насъ же, потому что, если бы мы

только согласились это дѣлать, то всѣмъ бы было такъ хорошо жить на землѣ, какъ только можно. Но и теперь, хотя бы весь міръ жилъ противно Его воли, всякому отдѣльному человѣку, понявшему то, зачѣмъ онъ посланъ въ міръ, нѣтъ разсчета дѣлать ничего иного, какъ только то, на что онъ посланъ.

Мнѣ, старику, стоящему на краю жизни, со стороны ясно видно это; но и вы, дорогіе братья и сестры, если только подумаете спокойно, откинувъ на время соблазны міра, ясно увидите то же, что всякій человѣкъ ничего не потеряетъ, а со всѣхъ сторонъ только выгадаетъ, если будетъ жить не для себя, а для исполненія воли Бога. Сказано: «Ищите царства небеснаго и правды его, а остальное приложится вамъ». И всякій человѣкъ можетъ испытать, правда ли это, вы же уже испытали это и знаете, что это правда. А то мы ищемъ остальное: имущество, мірскія сладости, и ихъ не получаемъ, и царство небесное теряемъ.

И потому, любезные братья и сестры, держитесь крѣпко той жизни, которую вы начали, а то вы напрасно потеряете то, что имѣли, и не найдете того, что ищете. Пославшій насъ въ жизнь лучше насъ знаетъ, что намъ нужно, и впередъ такъ устроилъ міръ, что человѣкъ получаетъ наибольшее благо и въ этой жизни и въ будущей, только исполняя не свою волю, а Его.

О томъ, какъ именно вы устроитесь въ своей общинной жизни, я не смѣю вамъ давать совѣтовъ, зная, что вы, особенно ваши старички, опытны и мудры въ этомъ дѣлѣ. Знаю только, что все будетъ хорошо, если только каждый изъ васъ будетъ помнить, что онъ не по своей волѣ пришелъ въ міръ, а по волѣ Бога, Который послалъ его въ эту короткую жизнь для исполненія воли Его. Воля же Его вся выражена въ заповѣди о любви. Собирать же собственность отдѣльно себѣ и удерживать ее отъ другихъ—значитъ поступать противно волѣ Бога и заповѣди Его.

Простите. Братъ вашъ *Левъ Толстой*».

Таковъ общій остовъ толстовскаго идеала общественной жизни въ духоборческомъ царствѣ... Въ частности графъ Толстой не входитъ.

О томъ, какъ же именно духоборамъ устроиться въ своей общинной жизни по вышеизложенному рецепту не говоритъ Л. Н., такъ какъ они, «духоборы, особенно

же ихъ старички, по его мнѣнію, опытны и мудры въ этомъ (?) дѣлѣ».

Задача, задаваемая «старичкамъ», очень нелегка. Странныя соціально-экономическія представленія развиваетъ яснополянскій учитель своимъ закабаленнымъ въ американскую неволю ученикамъ духоборамъ. Не знаю, какъ они покажутся «старичкамъ» духоборческихъ общинъ, но съ точки зрѣнія политической и экономической науки—это прямо какой-то дѣтскій лепетъ,—такъ разсуждаетъ по поводу посланія Льва Николаевича извѣстный публицистъ Левъ Тихомировъ, опытно познавшій всю тщету подобныхъ соціально-анархическихъ утопій.

Графъ Л. Толстой открываетъ своимъ «старичкамъ» соціальную Америку въ видѣ неизбѣжной связи между частною собственностью и государствомъ. Это можно бы назвать азбукой, но «великій учитель» даже и этой азбукѣ не доучился до конца.

Во-первыхъ, общественная власть, а стало-быть и *сила*, а стало-быть, если нужно, и *насиліе*, выдвинута людьми въ государствѣ вовсе не для охраны одной *частной* собственности, а собственности вообще, то-есть въ томъ числѣ и *общинной*. Графъ Л. Толстой рекомендуетъ своимъ «старичкамъ» устроить духоборческія общины на началахъ того, что составляетъ самую обыкновенную *ассаціонную* собственность, и воображаетъ при этомъ, будто онъ рекомендуетъ нѣчто совершенно отличное отъ собственности вообще. Но старички духоборовъ жестоко ошибутся, если подумаютъ, на основаніи словъ «великаго учителя», будто бы коллективную собственность не требуется точно также *защищать* и, въ концѣ концовъ, какъ ultima ratio—*силой*. Графу Л. Толстому, повидому, неизвѣстно, что огромную часть своей жизни человѣчество прожило въ маленькихъ общинахъ, подобныхъ духоборческимъ, пользовавшихся точно такъ же коллективною собственностью, и при этомъ онѣ *вѣчно* принуждены были думать о самозащитѣ, вѣчно только «насиліемъ», оружіемъ охраняли себя. Если бы духоборы на Кавказѣ не были охраняемы Русскою властью

и полиціей, то горцы, Персіяне, Турки, да и свои собственные сосѣди—живо обобрали бы ихъ, не спрашивая «частная» или «коллективная» у нихъ собственность. Гр. Л. Толстой умудрился вѣкъ прожить съ изумительною отчужденностью отъ всякой помощи науки, но, конечно, онъ слыхалъ, по крайней мѣрѣ, о побоищахъ крестьянскихъ общинъ изъ-за покосовъ и угодій.

Охраны Государства требуетъ *всякая* собственность. Но гр. Л. Толстой, сверхъ того, ошибется въ своемъ примитивномъ анализѣ, полагая будто бы Государство возникло для охраны *только* собственности. Нѣтъ, *всякій* правовой интересъ личности способенъ подвергаться тѣмъ же нарушеніямъ, какъ и право собственности, и когда люди стали создавать Государство, они руководились потребностью защиты не одной собственности, а всѣхъ своихъ правовыхъ интересовъ. На *личность* человѣка можетъ быть столько же посягательствъ, какъ и на его собственность, и они даже гораздо болѣе тяжелы и возмутительны. Не охранивъ себя отъ такихъ посягательствъ, человѣкъ долженъ бы приготовиться стать рабомъ каждаго кто вздумаетъ, и кто сильнѣе его. И вотъ почему необходимо возникаетъ общественная власть, которая одна только можетъ дать неприкосновенность правъ личности. Въ отыскиваніи этой важнѣйшей для нихъ неприкосновенности своей личности, люди складываются въ общины, а общины въ государство, и неприкосновенность собственности составляетъ только одно изъ условій неприкосновенности личности.

И это нынче знаетъ весь грамотный свѣтъ, кромѣ «великаго учителя» духоборовъ.

Если соціалисты надѣются (хотя и мечтательно), что соціалистическій строй способенъ заменить нынѣшнее государство,—то лишь потому, что они вводятъ не *общинную* собственность, а *національную*, и неприкосновенность ея намѣреваются охранять всею силою коллективированной націи. Ихъ планы фантастичны и ошибочны, но тутъ нѣтъ хоть логической нелѣпости. нѣтъ тѣхъ истинно-ребяческихъ ошибокъ анализа, какія поражаютъ глазъ въ наставленіяхъ «великаго учителя».

Если анархисты упраздняютъ государство, то, при всей умалишенности своихъ фантазій, они все же даютъ каждому человѣку *право* и даже вмѣняютъ ему въ *нравственную обязанность*—отражать насиліе и уничтожать всякія его попытки къ эксплоатаціи другихъ людей. Графъ же Толстой, ставя своимъ несчастнымъ старичкамъ въ обязанность *не поддерживать государства* и способствовать его захирѣнію, въ то же время запрещаетъ имъ и самозащиту!

Онъ надѣется, что примѣръ смиренной беззащитности духоборовъ повліяетъ на всѣхъ окружающихъ и превратитъ всѣхъ американцевъ въ такихъ же кроткихъ овечекъ! Онъ не понимаетъ, что его наставленія могутъ вести не къ повышенію общественной нравственности, а только къ полнѣйшему развращенію общества, если бы сколько-нибудь широко принимались.

Нѣтъ болѣе препоны злу и насилію: вотъ выводъ соціальной премудрости графа Л. Толстого. Пусть грабитель грабитъ, пусть насилуетъ какъ угодно личность другихъ, хотя бы даже и въ физическомъ смыслѣ,—нѣтъ ему отпора, нѣтъ защиты страдающему! Вся добродѣтель сводится къ правилу: терпи и покоряйся. Все, что способно къ насилію, получаетъ широчайшее, свободнѣйшее развитіе: ему—свободная и долгая жизнь, ему—цвѣтущее потомство, ему даже—если вздумается—и жены и дѣти всевыносящихъ добродѣтельныхъ барановъ. А вздуматься при такихъ условіяхъ можетъ все: вѣдь у турокъ была взимаема съ покоренныхъ гяуровъ подать самыми сильными и красивыми дѣтьми, на улучшеніе расы побѣдителей. Добродѣтельные люди графа Л. Толстого превратились бы, въ нѣсколько поколѣній, въ стадо забитаго и оглупѣвшаго скота, который бы безмолвно работалъ на новыхъ феодаловъ-хищниковъ, покорно исполняя всѣ ихъ требованія, включительно до—если они вздумаютъ даже и jus primae noctis.

Это идеалъ, это ученіе «великаго учителя», человѣка, котораго реклама возводитъ на пьедесталъ, и предъ «идеями» котораго она пріучаетъ преклоняться толпу... Что за нелѣпое зрѣлище!

Да нашимъ газетнымъ рекламистамъ пора бы понять, что обязанности публициста, обязанности каждаго человѣка, способнаго вліять на другихъ, требуютъ серьезнаго вниманія къ содержанію вреднаго и нелѣпаго «ученія» графа Толстого. Или его рекламисты думаютъ, что оно нелѣпо до безвредности? Но тогда съ какой же стати хвалить и рекламировать нелѣпости? Да, при томъ, къ несчастью, трудно усваивается только *умное*, а на пробу нелѣпости всегда найдутся какіе-нибудь несчастные, вродѣ духоборовъ. Если даже весь народъ не можетъ погибнуть въ такихъ черезчуръ глупыхъ экспериментахъ, то съ какой же стати толкать на гибель хотя бы и отдѣльныя группы, или отдѣльныхъ лицъ? Что это за странная обязанность— эта parti pris—восторгаться «великимъ учителемъ», ясно видя, что онъ проповѣдуетъ вреднѣйшія нелѣпости?

При этомъ нельзя не принять во вниманіе и того обстоятельства, что эмиграціонная агитація толстовцевъ на духоборахъ не окончена, а, наоборотъ, продолжаетъ вестись среди другихъ сектантовъ. Оказывается, что неудача съ канадскимъ поселеніемъ духоборовъ далеко не образумила этихъ своеобразныхъ вождей русскаго сектантства. Имъ мало тѣхъ тяжкихъ жертвъ, какія принесла и несетъ духоборческая масса. Рьяные толстовцы заманиваютъ въ свою ловушку все новыя и новыя жертвы. Такъ, въ Америкѣ лѣтомъ 1900 года появились ходоки отъ закавказскихъ молоканъ. Весною 1900 года 50 семействъ крестьянъ Харьковской губерніи, изъ послѣдователей кн. Хилкова, поднялись было со своихъ мѣстъ, чтобы «плыть» въ Канаду, и нѣсколько семействъ, несмотря на принятыя администраціей мѣры, всетаки переселились. Въ агитаціонныхъ письмахъ своихъ, Хилковъ и К°. описывали жизнь въ Канадѣ въ самомъ привлекательномъ для мужиковъ видѣ: «земли участокъ въ 53 д.— стоитъ 20 р. навѣчно, казенныхъ податей никакихъ никто не платитъ, только есть мѣстная подать—два дня работы (барщина?) съ каждаго владѣльца участка». Но тутъ же сообщается, что пара лошадей стоитъ 400 р., волы— 240 и даются совѣты «непремѣнно забрать на пароходъ свои хозяйственные инструменты—соху и борону, лопаты, ибо все это очень дорого въ Америкѣ».

Это русскую-то соху-матушку везти въ Америку!.. Практичные совѣты, нечего сказать.

Наиболѣе откровенно изложены, въ тѣхъ же агитаціонныхъ посланіяхъ къ харьковскимъ крестьянамъ-павловцамъ, побужденія и взгляды толстовскихъ вождей духоборовъ другимъ интеллигентомъ, командующимъ нынѣ въ Канадскомъ духоборствѣ, г. Бодянскимъ (дворяниномъ изъ университетскихъ).

«Я смотрю на переселеніе въ Канаду духоборовъ и другихъ, какъ на событіе въ высшей степени важное, пишетъ Б. одному крестьянину с. Павловки. Это *рожденіе великаго народа* (не смерть ли?). Можетъ быть это слишкомъ много (кажется!) такъ смотрѣть, но я смотрю такъ и не могу иначе смотрѣть, такъ какъ переселеніе это вызвано не какими нибудь имущественными соображеніями, а единственно только желаніемъ осуществить царство Божіе на землѣ. Богъ беретъ лозу и пересаживаетъ ее на новую почву съ тѣмъ, чтобы она выросла на свободѣ, не заглушаемая посторонними растеніями и дала обильный плодъ. Вотъ такъ, братья, и намъ надо думать! Надо намъ думать, что, если мы, по милости Божіей, будемъ возведены (?) въ странѣ, гдѣ нѣтъ никакого запрета жить по своей совѣсти, и никого насильно не заставляютъ брать въ руки штыкъ,—рогъ сатаны (sic!), если мы будемъ водворены въ странѣ свободы и простора для доброй жизни, то это значитъ, что Богъ избираетъ насъ для своего дѣла, и обязываетъ насъ исполнить это дѣло больше, чѣмъ тѣхъ, которые остаются въ приневоліи».

Къ этой откровенной рѣчи, гдѣ всѣ мотивы эмиграціонной агитаціи толстовцевъ такъ ясны, нечего прибавлять.

Развѣ только одно можно сказать, не слишкомъ-ли ужъ просто и легко стали уловлять въ свою западню бѣднаго русскаго мужика новые интеллигентные ловчіе для своихъ преступныхъ экспериментовъ? А затѣмъ не служитъ-ли зловѣщимъ знаменіемъ нашего времени это какое-то психопатическое увлеченіе Толстымъ и систематическое замалчиваніе и въ обществѣ и въ печати сектантствующаго толстовства?

Мы получили новыя свѣдѣнія изъ Америки о положеніи духоборовъ, поселившихся въ Канадѣ. Оказывается, что чѣмъ дальше, тѣмъ все тягостнѣе дѣлается тамъ положеніе этихъ несчастныхъ русскихъ сектантовъ, и не матеріальное только, но и соціальное.

Присматриваясь къ духоборамъ первое время молча,— безъ вмѣшательства во внутреннюю жизнь этихъ своеобразныхъ сектантовъ,—мѣстная администрація не долго, однако, потерпѣла чудачества непротивленцевъ и ихъ соціально-политическія въ отношеніи законовъ и властей вольности, къ которымъ духоборы такъ привыкли на Кавказѣ, подъ опекой благодушнѣйшихъ россійскихъ администраторовъ. Американскія власти потребовали отъ духоборовъ полнаго подчиненія во всемъ мѣстной юрисдикціи, начиная съ записей въ метрическіе актѣ паспортовъ, и продолжая всякими другими обязанностями и повинностями гражданскими. Духоборамъ и ихъ верховодамъ толстовцамъ это пришлось, конечно, очень не по нраву, и среди новоселовъ начинается новое броженіе. «Побѣжали отъ волка, а попали на медвѣдя», сѣтуютъ молодые на стариковъ, затѣявшихъ безумное дѣло переселенія изъ Россіи. Слышно, что толстовцамъ и въ частности гр Л. Н. Толстому «вѣроломство» канадской администраціи причинило велію скорбь, и надо думать, Левъ Николаевичъ не приминетъ по сему поводу сочинить обличительную іеремиаду по адресу канадскихъ властей, но вѣдь тамъ не будутъ расшаркиваться предъ «великимъ писателемъ земли русской» и справляться, что сегодня ему супъ или щи съ кашей варили, какъ умильно о семъ повѣдали газеты столичныя въ спеціальныхъ телеграммахъ; въ Америкѣ умѣютъ проводить свою государственную политику твердо и неуклонно, тамъ не вѣдаютъ россійскаго благодушія въ отношеніи сектантства. Вѣруй какъ знаешь и хочешь, а въ дѣлахъ государственной важности не шали, законы неуклонно исполняй, обязанности и долгъ свой свято храни.

Желѣзная дорога Manitoba North Western, на земляхъ которой поселена половина духоборовъ въ Ассинабойѣ,— другая половина живетъ на землѣ государственной,— продана Canadian Pacific R. R. C°. Эта послѣдняя, открывъ, что документы, по которымъ поселены духоборы, составлены были неправильно и совершенно на авось и не имѣютъ законной силы, грозитъ отобрать теперь у нихъ эти земли, требуя уплаты по три доллара за каждый акръ. Многія селенія выстроены цѣликомъ на этой желѣзнодорожной землѣ, и имъ данъ годичный срокъ: или плати, или убирайся вонъ.

По приблизительному разсчету, приходится уплатить около 750 р. на семью, что, само собой разумѣется, совершенно недостижимо, тѣмъ болѣе, что земля ровно ничего не стоитъ, и между духоборами началось серьезнѣйшее броженіе. Абсолютная неспособность князя Д. Хилкова и всѣхъ его адъюнктовъ къ какому-либо практическому дѣлу дала возможность Canadian Pacific R. R. C° учинить теперь все это съ несчастными духоборами. Трудно предвидѣть, чѣмъ окончится эта духоборческая столь трагическая эпопея.